

Разночтения, которые иногда давались, приводились не все, а лишь «важнейшие».⁹ Некоторые повести были опубликованы без всяких оговорок, как самостоятельные памятники, в то время как в действительности они являлись лишь частью другого произведения. Так была издана «Повесть о видении пономаря Тарасия»,¹⁰ входившая в «Житие Варлаама Хутынского». Издание грешит многими ошибками и пропусками.¹¹

В связи с дальнейшим изучением древнерусских рукописей и новыми находками списков памятников различного содержания, в том числе и повествовательных произведений, характерным становится издание памятников по нескольким спискам. Так начинается следующий этап и в издании повестей. Проводятся сопоставление, сличение списков, предварительное текстологическое изучение их, делаются выводы об архетипе памятника. Возникает практика издания сводных текстов, распространившаяся и на публикации повестей, ошибочная в своей основе, так как сведение нескольких списков произведения в один дает неправильную картину литературной истории памятника (наблюдаемые отличия в текстах нередко являются признаками разных редакций).

Так, например, в издании И. И. Срезневского была произвольно сведена из нескольких списков в единый текст «Повесть о разорении Рязани Батыем».¹² Примером подобного сводного текста является издание в «Русской хрестоматии» Ф. И. Буслаева «Повести о Волоте Волотовиче»¹³ (дан сводный текст по четырем спискам). Этот принцип издания применялся и И. Н. Ждановым, который, издавая «Сказание о князьях владимирских», слил воедино две редакции памятника.¹⁴

Практика этих изданий объяснялась не до конца доведенной текстологической работой (сличались не все списки произведения), что и не позволяло выявить различные редакции памятников.

В начале XX в. текстологическое изучение памятников становится подлинно научным: началось изучение «литературной истории» повестей. Выдвигается требование не только установить архетип памятника в результате изучения списков, но и исследовать судьбу различных редакций, вышедших из архетипа,¹⁵ в их историческом и социальном бытовании. Этот этап в текстологическом изучении литературных произведений и среди них древнерусских повестей связан с научной деятельностью В. Н. Перетца и с работами его учеников (В. П. Адриановой, И. П. Еремина, Л. Т. Белецкого и др.).

Большую роль в текстологическом изучении древнерусских повестей сыграли общие текстологические принципы, выдвинутые А. А. Шахмато-

⁹ См.: Повести о бесноватой жене Соломонии. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161—164.

¹⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 283—284.

¹¹ Например, издание «Повести о новгородском посаднике Щиле»: И. П. Еремин и И. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. (Исследование и тексты). — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 59.

¹² И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. XXXIX. СПб., 1867 [см.: Д. С. Лихачев. Комментарий археографический (Повесть о разорении Рязани Батыем). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 255].

¹³ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. Изд. 2-е, исправленное. М., 1877, стр. 322—331.

¹⁴ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

¹⁵ См.: В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914, стр. 329—338.